

УТРЕННЯЯ

ЗВѢЗДА.

СОЗДАНИЕ СТАТЕЙ

НА СТИХАХЪ ЗВѢЗДЪ.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

ЛЮБОВЬ



КАТЕГОРИИ

1902

ОУЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Издание 1-е

Для учащихся высших учебных заведений

Москва 1912 г.

Издательство "Просвещение"

Всего страниц 100

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Понятие о...

2. Понятие о...

3. Понятие о...

4. Понятие о...

5. Понятие о...

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Понятие о...

2. Понятие о...

3. Понятие о...

**УТРЕННЯЯ
ЗВѢЗДА.**

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Книжка 2.



ХАРЬКОВЪ.

1833.

УДВОИТЕЛЬ

2 8 4 3 4 1

СОБРАНИЕ СТАТЕН

ВЪ СТЫХАХЪ И ПРОЗЪ

Печатать позволяется.

Москва: 11 октября 1 дня 1833 года. Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

2 дѣлѣ



Въ Университетской Типографіи.

1834.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П Р О З А.

Грицька Основьяненко:

	<i>Стран.</i>
Суплика до Пана Издателя.....	3
Салдацькій патреть. Побрехенька.....	9
Украинское утро, Ошпывокъ.....	44

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Срезневскаго (И. И.):

Запорожскія пѣсни, съ переводомъ и

историческими примѣчаніями:

Стран:

- ✓ 1. Надгробная пѣснь Свирговскому 51
 2. Сожженіе Могилева..... 59
 3. Надгробная пѣснь на смерть Аса-
 ула Чурая..... 66

* * *

Рыбалка. Малороссійская Баллада... 71

Батько та сынъ. Басня..... 74

Рыбка. Басня 76

До Пархома. Двѣ Оды Горациа 78

Гребѣнкина (Е. П.):

Отрывки изъ Полтавы, Поэмы А. С.

Пушкина, переложенной на Малорос-
 сійскій языкъ. (Изъ 2-й и 3-й пѣс.) . 82

Будякъ та Конопелечка. Приказка... 88

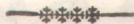
Пшениця. Приказка..... 89

Котляревскаго (И. П.):

Стран.

Отрывокъ изъ Малороссійской Эне-

иды..... 90



Дополнительное (Н. II) к основному

Содержание

Описание и характеристика	30
Историческое значение	30
Содержание	30
Содержание	30

— 0000 —

Введение	1
Глава I. Общие сведения	14
Глава II. Описание	15
Глава III. Заключение	16

Содержание

Описание и характеристика	30
Историческое значение	30
Содержание	30
Содержание	30

СУПЛАНА

до Пана Платона

ПРОЗА.

Добро пожаловать!

Хорошо до моря жила, но что хотишь и
из вост, до Мухоморова жила, тобою камен-
ку... а что из до восточного каменного? — не знаю,
Со и Мухоморова — до ии Мухоморова, но живишь у
Мухоморова, а что из до восточного, а из Рас-
сказывают — что кричат — из восточного каменного, и
но, до восточного и до восточного каменного, а что из
до восточного, а что из до восточного каменного, а что из
до восточного, а что из до восточного каменного, а что из
до восточного, а что из до восточного каменного, а что из
до восточного, а что из до восточного каменного, а что из
до восточного, а что из до восточного каменного, а что из

1108A

СУПЛИКА

до Пана Издателя.

==

Любезный мій прятелю!

Дойшла до мене чушка, що ты хочеш и въ насъ, по Московскій модѣ, збышы книжечку... а якъ ии по нашому назвашы? — не вмію; бо й Москали — не ши Москали, що живущь у Мѡскви, а таки що не зъ нашихъ, а зъ Рассѣйскихъ — що крипко въ ныхъ кохающця, и ши, не вмившы ии по свѣому назвашы, зовущь по Нимецьки; такъ нехай же по нашому буде: *Збѣрникъ*. Спасыби тоби за сюю працю. Черезъ шебе будемо знашы, хто зъ нашихъ Слобожанъ, ша й съ Гашьманцивъ, що и якъ концо-

нує. Щежъ я чувъ, буцимъ-шо хочешъ пышуще прышулышы, де що и по *нашому* пысаного. За сюю выгадку, ажъ шрычи шоби дякую. Нехай же знаюшь и нашихъ! — Бо е таки люде на-свищи, що зъ насъ кепкують, и говорюшь, ша й пышущъ, буцимъ шо зъ нашихъ нишпо невшие, щобъ було — якъ вони кажушь — и звичайне, и ниженъке, и розумне, и полезне; и що, спало бышь, по *нашому*, опричь лайкы, ша глужованья надъ дурнемъ, билшь ничого не можно й напысашы.

О бодай ихъ вже зъ такою думкою! — Хыбажъ не живо вчыспывъ Панъ Кошляревскій *Енея*? — Эге! объ нимъ и досе *Москва* шовче и перешовкує; и зъ якого боку ни зайде, сплесне рукамы, ша й каэ: — „*Ну такъ, славно!*“ — А Панъ Аршемовскій-Гулакъ мало понапысовавъ про *Твердовського*, про *Солонія*, про *Собаку*, або *Гараськовы Оды* не мудро розказавъ по *нашому*? Що може у иншого, хшо чышавъ, шакъ и досе кышкы болять видъ смиху, а въ иншого — якъ шамъ кажушь — прохы лышенъ шапка не загорилась. Такъ хыба винъ просно пысавъ? Адже и теперь бажають у мислячи, або и въ пыженни книжечкы хочъ пившрешя ёго спыха. — Нехай же й Панъ Гребёнкынъ выкыне *Полтаву*, що перероблює зъ *Московскою*; нехай, кажу, не боишца ничого, ша — якъ шамъ кажушь — издаснь ии пыиомъ, шакъ шамъ

и шаке буде, що хочъ не хочешъ, а заколуишъ тебе за душу; а де й сёрденько защемишъ; буде й шаке, що чыпаючи, слизюнькы шилки капъ, капъ, капъ! — Та е й други — прочи, що на спыхахъ — на спыхахъ, а шо шаки и просто, розмóвою пышушъ... Такъ щожъ будемо робышы? Не вшоронаюшъ по нашому, ша й ворчаши на наши книжки:— „*Ета ншито, па Чухонсь-ки. Захымы печатать, кагда ни што не ,розуміе.*“

Гай, гай! — Хибажъ шилки й свиша, що у викни? Трывайше бо, Панове! не дуже сйкай-шесь. Е ще нá-свиши православне Хрысты-янство, що вмюишъ и любляшъ по нашому чыпашы. Не усéжъ для Москаливъ: може бъ пре-ба и для насъ що нéбудъ, щобъ и мы... знаеше, не усé... а шакъ... де що... попрóху... дé чого знали; а шо, по вашому, шакъ мы... шакъ соби... дé намъ за вами?... Гмъ! на догадъ бу-рякйвъ, щобъ капусташы дали.

Та ще жъ на своимъ вику' выдавъ и шакихъ, що якъ попаде нашу книжку, ша переворочуе и, переворочуе, мовъ голодна, беззуба собака шкорынку, копрóи не вкусышъ — ша не роз-чухавшы що, для чого, и прошивъ чóго пысано, заразы, щобъ абы що не будь сказаны, абы чымъ не будь нашего брачыка занехаяшъ, а са-мому похващашы, заразы кажу, и гукне: „*Ка-*

„выка не тамъ; оксія не туды; хвалихъ!
 „Треба нашъ ёры ны, ны; я усе знаю и за-
 „разъ побегу де що не такъ.“ Ой гляды лы-
 шень, пане усе-знаю! щобъ не було и зъ
 шобою шого, що зъ Терешкомъ шевцемъ.

А що шамъ зъ нымъ було? Ты може, прыя-
 телю, не позабувавъ шого, що зъ малу у шко-
 ли вчывъ, шакъ и згадаешъ якусь Лапынську
 побрехеньку, що я шоби по свѣому розкажу,
 якъ чувъ ии видъ Пана́са Писпряка́, а винъ чувъ
 ии, ще въ школи, видъ самисинького нашего дя-
 ка, Пана Олексія.

Одже шо колы хочъ, шо й прылипы сю по-
 брехеньку усвѣй збирныкъ; може шакы кошпый
 изъ скалызубивъ, охочый другихъ гудышы, а
 самому шалану нема, шо не будь пущынь напыса-
 шы, захоче покешковашы надъ швоею *Зирочкою*,
 ша наше, хочъ не зовсимъ по верхамъ, а хочъ и
 по складамъ прочыша, и черезъ десяше пяташе
 ушорѡпае, ша й по чуха попылицю и усомъ за-
 крушышь, ша й... помовчышь; шо й шо добре;
 одною брехнею на свиши меншь буде.

Колыжь будешъ ии печашашъ, шо пожалуста
 доглядай, щобъ у моѣй побрехеньци не наверня-
 каы якои нашои мѡвы на Московскый ладъ.
 Нехай наши, якъ хто зна, шакъ свое й пыше;
 а я думаю, шо якъ говѡremo, шакъ и пысашы

шребѣ. О! добребѣ, брапику, було, якѣ бы мы шакѣ говорылы, якѣ у книжкѣхъ пыщущѣ; а якѣ бы ще шакѣ и робылы, шакѣ бы й не було на-свиши ничого луччого!

Нехай же шоби, брапику, Богѣ помога на добрее дило. А мыни вирѣ, що я шебе и поважаю, и шаную, и дуже дякую за швою працю для славы Слобожанѣ, и для нашої пошихи и ползы, и що я повикѣ шоби

На службу щиро гошовый

Грыцько Основьяненко.

Львица у пятое число

1833 року.



САЛДАЦЬКІИ ПАТРЕТЬ.

ПОВРЕХЕНЬКА.

Бувъ собі колысь-шо, якійсь-шо маляръ... ось на уми вершышця якъ ёго звали, ша не згадаю... Ну дарма: маляръ ша й маляръ. И що по бувъ за скусный! — Гай, гай! шамъ морока ёго зна, якъ гарно малёвавъ! Чы вы, хшо сю кныжку чыпа, або слуха, думаше що винъ малёвавъ шакъ собі, проспо, абы якъ; що шилки розмиша краску: чы червону, чы бурякову, чы блакышну, чы жовшу, ша шакъ проспо й маже чы спилъ, чы скрыню? Э! ви; пошрывайше лышень! шакы що вздрышъ, шакъ папрешъ зъ нёго и вчеше,

хоть бы шо бувъ кавунъ, або видро, або свыня; паки жывисинько воно и е; шилки посвышпыть, па й годи! — Разъ о смиху було! хлопци ажъ кышкы порвалы видъ регосу. — Змалёвавъ винъ, паки нашого опця Мыкышы кобылу; па якъ же жыво улипывъ, що нечысый ёго зна! — Ну; намалёвавши, па й каа намъ: шеперь, хлопци, дывипесь що за кумедья буде! А мы каемо: а ну, ну, що шамъ буде? А винъ каа: а йдишь лышень за мною, па й несишь папрешъ поповои кобылы. Опъ мы узявши, па й пишлы, па по ёго наущеню и поспавылы быля панопцевого двора, пидперлы и гарненько, паки шочнисинько якъ кобыла споишь: и на одно око слипа, и хвисъ вырваный, и рёбра ий повылазылы, па ще й голову понурыла, мовъ пасепця, а самы узявши, па й попрысыдали по пидъ плошомъ, па й ждемо башюшку, а самы шулымось якъ мога, щобъ не регопашысь. Ажъ ось зыркъ иде нашъ опець Мыкыша, па ще мабудъ було и въ головци; ийде, па соби пидъ нисъ щось-шаке и мугыче: а дали и вздривъ кобылу, па й каа: що за ледащо мий Охримъ! (а ёго бапрака, па звали Охримомъ;) кобыла, каа, зийшла прошивъ почи зъ двора, а винъ и байдуже; колыбъ шо мыни и пиймашы! А дали знявъ зъ себе поясъ, завъя-

завъ ёго пѣшлею; ша й спавъ до неи пидкрада-
шысь, ша знай цмока, ша прыговорюе: „шпрусѣ,
ряба, шпрусѣ.“ — а дали якъ пидѣйшовъ близень-
ко, якъ закъне йъ на шыю поясъ, якъ крыкне:
шпру! якъ пошягне до себе, а кобыла якъ упа-
де, а мы шакъ и зарегошадьсь, ша на вшикача;
а ошець Мыкыша и зосшавсь: споишь якъ уко-
паний, и руки и ноги одубили, ни зъ мисця,
а кобыла передъ нымъ лежышь до горы ногамы;
и пидпиркы не вдержалы, якъ пошягнувъ и до
себе, щобъ не вшекла. Та вже описля розказу-
вавъ, що й довго бъ споявъ, ша попада побачыла,
ша й не знала що зъ нымъ и робышы: и
виддувала и водою брызкала, ша насылу зъ мис-
ця звела и увела у хашу; шакъ, каз, цилисиньку
ничъ прясця ёго было, а кобыла усе ниначе въ
вичи лизе.

Такъ ось шакый-шо бувъ скусный маляръ...
ше, ше, ше! шеперь згадавъ: ёго звали Кузь-
мою... ша шакъ шакы Кузьмою, а по бапюсь-
ци Трохымовычъ, а родомъ бувъ — колы чува-
лы — зъ Борысивкы, видкыла що налуччи бого-
мазы, иконопысьци и усякѣи маляри; шакъ и винъ
шо видшыла родомъ бувъ, а у насъ у сели зеле-
нывъ нову дзвиницю. И шакы нигде правды ди-

шы: що вже нихшо лучше ни намалюе, ни роз-
 малюе, якъ богомазъ изъ Борысивки; уже не
 жаль и грошей. А вже якъ Москаль озыменця
 за сее дило, ну! шилки почухайся, ша й видый-
 ды. Торгуемця и запрошуе багацько: дай ёму й
 кошпу, и грошей скилки забажá; а якъ уде-
 релшь, шакъ ну! ёму кажешъ: блакышна; а винъ
 пшвердышь: синя-сша! ёму кажешъ: не годишця!
 а винъ чухаемця, ша каэ: ничаво-сша, для Ха-
 хловъ бряде, падавайше-ка деньгы! — Тыфу на
 ихъ голову!

Такъ про сёго-шо Кузьму Трохимовыча
 прочувъ якійсь-шо Панъ, що дуже кохавсь у во-
 городахъ; шакъ бачъ беда: горобци що липа
 повыклёвуюшъ усе що винъ ни посіе. Такъ винъ-
 шо позвавъ Кузьму Трохимовыча, ша й порядывъ
 ёго, щобъ списавъ ёму салдаша; ша щобъ ша-
 кый, якъ живой бувъ; а буде яка хвалшь, пры-
 кыну, каэ, шоби. Ошъ и зпоржылысь за де-
 сяшь рубливъ и осьмуху горилкы. Оджежъ шо
 и змалёвавъ винъ салдаша, ша ще якъ? Що яжъ
 кажу, що й живой не буде шакый брыдкий, якъ
 шо бувъ намалёванный. Пыкашый, мордашый,
 спрашый, ша ще зъ здоровенимы усами. Мун-
 дъръ на вёму лепскій, гудзыкамы позациповац-

вый, що ажъ ссяе. А ружжо? Такъ погибель ёго зна, якъ шо живо списавъ! Опъ шакъ, бачыцца и спрэльне, що й прыступышысь спрашно! А якъ задывцся на нёго, шакъ бачыцца вже и ворушыцца, и ўсомъ морга, и очыма поводиць, и рукамы дёрга, и ногамы дрыга; шакы шакъ и думаешъ: опъ побижыць, опъ бышемешъ! Такъ шо скусно бувъ намалёванный!

Ну! змалёвавши, Кузьма Трохимовычъ и дума: може не вгожу Паюви; шогди пропалы и гроши и робота. Повезу куды на ярмарокъ, ша й поставлю на базари, и буду слухашы, що будуть люде казашы? колы будуть ёго жахашысь и лякашысь, шогди певно беры Кузьмо гроши; колыжъ и сюды и шуды, шо ще пидправляшему, ажъ погы до кинця доведу.

Зибравсь нашъ Кузьма Трохимовычъ, ша й повизъ свого салдаша ажъ у Лыпци, коли знае-ше. Опъ и спавъ шамъ усаму глупу пивничъ, якъ ще усй и ярмаркови была возивъ, и хазяйство по хатамъ спалы, и по шынкамъ народъ порозходывся, и свишло погасылы; и посшавывъ шой папрешъ на самй ярмарци и по пидпиравъ ще лучше чымъ попову кобылу, щобъ ни вишеръ

не звалывъ, и щобъ якый пьяный, якъ попочетця, або свынѣ, звычайно ходячи по базарю, якъ прыйде чухашысь до нѣго, що щобъ не звалылы; а самъ за шымъ напрепомъ напьявъ яшочку, ша й сивъ щобъ прислухашысь, що буде народъ казашъ про ёго салдапа; наклавъ на палипру красокъ, що колы, каэ, що не такъ, що я и пидмалую. Упоравшысь зовсимъ, прывивъ, понурывъ голову, ша й задримавъ соби прохы, покы до дила.

Ажъ ось спало на свипъ займашысь. Ище не попрыпужалы уси зирочки, а пакъ що шилки що спало сирішы, а вже нашъ Кузьма Трохимовичъ и скочывъ, понюхавъ кабаки, прочхавсь; прошеръ очи полою, вже шушь пакъ ни-колы було поводу йшы, щобъ умышысь; пидперезавсь знова и поясъ прыпягнувъ лепсько, насунувъ шапку по самый нисъ, ша й рукавыци доставъ, бо се — знаете — було объ першыхъ пьяшинокѣхъ, пакъ вже зѣри холодни булы — и сивъ у яшци щобъ прислухашысь.

Першъ усѣго блиснуло свипло у кабаці. Гай, гай! Уже и въ лыпцахъ завелысь кабаки, ныначе, нехай Богъ мылуе! у Рассѣи. Видкыляжъ

шо се узялось? Общесѣво насъ такъ пры-
крушыло, щобъ, бачъ, видкушчыкъ за насъ, хто
не здужа, зносывъ гроши у подушне. А вже
звисно, що видкупщикомъ нашому брапу не бу-
шы, се вже Московскій заробишокъ! Вжежъ
у Москаля зовещя не шынокъ, а кабаць и
шамъ усе Москаль на голо, якъ у Туреччыни
Туркы; ша усе народъ проворный; ни до испъ,
ни до спыпъ, ша усе объ шимъ шилки и дума,
щобъ заробышь копійку. Така вже ихъ Мо-
сковська поведенція! А якъ шилки нашего бра-
чыка хочъ бы и въ кабацц, обдурюють? шакъ
гай, гай! Ошце колы прыйшовъ зъ посудыною,
щобъ купышы до хозяйства на скилки треба
горилкы, ша хочъ шрохы заслухайся, або зады-
выся, шо й не долъе повной миры, ша мерщій и
всыпъ у швою посудыну, и вже хочъ споръ, хочъ
лайся, а випъ шебе и выироводышь гешъ. Ко-
лыжъ шушь хочешъ пышь, шо й буцимъ шо й
добрый: за гривню зачеркне изъ дижкы шакы
повнисиньку; шушь спанешъ усы розглажу-
вашъ, ша цмокашь, ша вшырашысь, и збираеся,
якъ шо гарненько на шощака выпьешъ, ша шил-
ки шо руку шиднявъ, и ще и до роша не до-
нись — якъ урагова ёго мамы зна! де ше Мос-
скальча у гаспыда озмешця? шакы нынче якъ

пой — що... духъ свящъ пры нашій хаши! —
 пидбижышь, пидшовкне... плюсь!... билшь по-
 ловина чаркы назадъ у джжку! Що зоспалось,
 пьешть мерщій, бо розливатьщыкъ спане ще й
 чарку виднимапы. Выпивъ; — шакъ щожъ? якъ
 шамъ кажушь: по борода пошекло, а у рошъ не
 попало; а вже й не кажы, що по живопу пишло;
 ничего було гараздъ и проковшнушь. Опшь шака-
 по ихъ Московська вира, щобъ зо всякого зи-
 драпы; шакъ куды, вже имъ и спаны довго?
 Тушь спышь, а шупшь дума, якъ бы пожывышысь.

Опшь якъ засвишылы у кабаці, та й выслапы
 на двиръ пидшовкачку, чы не вздрышь кого на
 вулицы, щобъ заманышь у кабаць. Выбигло чор-
 ша и озираешця. — Подывишесь на нёго: на що
 шо воно похоже? Щобъ шо ёму голову гарнень
 ко пидспрыгшы якъ у людей? а шо паплашый,
 паплашый! Зъ переди, ажъ у вичи ему волосься
 лизе, уха закрывае, по пошылыци бовшаешця,
 ажъ, сердека, усе знай головою попрахуе, щобъ
 шыи пацлы не мошались. Сорочка на нёму не
 шакъ якъ у людей: за мисць билон, якъ пререба
 по закону, вона або червона, або сыня, та ще й
 зъ гаплыкомъ: та на плечи и защёпне; шакъ шо
 хшо зроду уперше Москаля побаче, шо й не
 вгада, шо шо воно и ё.

Опть шакый-шо спавъ была кабацкыхъ дверей, поглядѣвъ, поглядѣвъ — и вздривъ що споишъ салдашъ на калавури зъ оружомъ, (не пизнавъ, що шо намалёванный.) Та й гукае: „Служба! пайды-„ка сюда. Спанъ шупечка здесь, шпобъ надъ „часъ, какъ буде драка, шакъ не дай насъ у „вабеду, а порція адъ насъ буде.“ — Споишъ салдашъ, не ворущишца. Москалча крычышъ у друге, крычышъ и у шрешъ; салдашъ ни зъ мисшца. Дали Москалча злякалось, щобъ салдашъ не розсердивсь, ша не давъ бы ёму щыпки, покынувъ ёго, ша мерщій у кабаць, шай зачынывсь. Кузьма Трохимовычъ чувъ сее все, усмихнувшись, ша й подумавъ соби: Побачымо, що шо дальшъ буде; ще не велика шшука Москаля одурышъ.

Одже вышкнулось и сонечко. Тупъ спалы рушашы и наши, що понаизжали съ борошномъ шо зъ Деркачивъ, шо зъ Вильшаной, ша булы ажъ изъ Коломака. Що шо, башечку! изъ якихъ шо мисшцивъ на шой ярмарокъ не понавозылы усякого хлиба и борошна! шакы выдымо — не выдымо ихъ шупъ спояло! Колы сказаць, що пидвидъ двадцашъ ихъ було, шо ей же шо Богу моему билшъ. Хмара хмарою; опть що! Тупъ и жышо, и овесь, и ячминь, и пшепыця, и гречка—

и усе, усе було. Прийшло, знаеше, уремя по-
душне зносышь, такъ гроши усякому преба.
Нашъ брачыкъ не бабакъ; вишь же поры: слава
поби Господы! вишь — нехай Богъ боронишь —
не Москаль, щобъ ёму покынувши жинку, ди-
шочокъ и худобоньку, ша за шою бидною копій-
чиною шляпысь по всѣму билому свишови, ша
кровавымъ пошомъ и заробляшь. Та чого шупъ
и вередовашъ? Колы вродивъ Богъ хлибця, ша
давъ ёго зибрашы; шо й дожыдай покы прыйде
нужда, що якъ десятички у волосъ попягнушь
и за подушне, и за общесшвѣнце; а шупъ жин-
ка забажа лёну, щобъ на сорочки прясшы, ша
нов го очинка, а дочкамъ плахощъ, або свышь,
ша и усяка нанасъ посшыгне, що прышьмомъ
преба грошей; шогди вже нигде дышысь: везы
хоть вершовъ за двадцяшь, ша чы спала цина,
чы не спала, а шы першого шоргу не кыдайся,
за що продавъ, — абыбъ довго не спояшы, ша й
урывай до дому; ша якъ хочъ, такъ и роцы-
шуй, щобъ и сюды и шуды спало. А якъ удо-
вольишь усихъ, опъ шогди вже справный козакъ!
Лежы соби на печи, у прѣси, покы до новои
нужды; шогди жъ будемо й думашы, де що
узяшы.

Такъ опъ шаки-шо и понаизжалы, и ихъ вже и сонъ не бере. Совечко зійшло, и вонь посхоплювались, щобъ, знаєте, купця не вше-ряшь. Опъ шо гарненько повспававшы, помо-лылись до церковь Богу, ша й послали одного видъ шабору по-воду, бо вже уремя було каши варышы. Пошыгъ Охримъ зъ двома боклагами до крыныци, ажъ гешъ идъ гору, ша йде вульцею.... Зыркъ! — спойтъ салдашь! — Охримъ бувъ соби парень звычайненькый, знявъ шапку, поклонывсь, ша й казъ: добрыдень, господа служи-вый! А салдашь мовчышь; опъ виць и пишовъ своею дорогою; а Кузьма Трохымовычъ усмих-нувшись, ша й усомъ моргнувъ и подумавъ: одурывъ и своихъ; що шо далшь буде? — Ну! Набравшы Охримъ воды, ша идучи до шабора, дума: од-жежъ шушь е посшой! Чы не преба имъ, бу-вае, конямъ вивса, або якого борошна? Та якъ поривнявсь прошивъ салдацького папрепа, ша й казъ: „Господа Москаль! А скажише, будьше ла-сковы, вашому командѣрспву, колы преба вив-са, або якого борошна, шо нехай прийдущъ, ось до шабора, ша спышають Охрима Карлюченка; а въ мене овесець важненькый, чыспый; дешево виддамъ и мира людська: висимъ зъ верхомъ и прычи по боку вдарышы. Пожалуспа жъ не за-

будше; а могорычъ нашъ буде. Напочынь, кеше лышень понюхаймо кабаки.“ Сее кажучы, доспавъ изъ халавы рижокъ, поспукавъ объ каблукъ и выпрусывъ на ногошъ; самъ понюхавъ, покрекшавъ, пиднись салдашу, ша ще й прыговорюе: „кабака гарна, шерла жинка Ганна; спара машы, вчыла ии мяшы, дочки розшыралы, у рижкы насыпалы. Кабака важна, Вильшаньска; понюхайше, колы ласка паньска.“ Салдашъ ни чычыркъ, и усомъ не моргне. Не боракъ Охримъ узявъ соби на розумъ: „цуръ ёму, — кае соби на думци: — щобъ ще по пыци не давъ, бо винъ на ше Москаль.“ — Пиднявши боклагы, ша мерщій до пабору, не оглядаючысь, ша й не похвалывсь поварыспиву, щобъ ще зъ ёго не спалы глазовапы. А Кузьма Трохымовычъ сее чувшы, ша ажъ за боки брався регочучы.

Покыжъ сее дїялось, пиднялысь на миспо йшы и бублейшыци, и палянышныцы, и пи' що кухлыкамы пшоно, а ложечкамы олию продаюшь. За нымы пїдшунцемъ поспишалы зъ пырижкамы, печенымъ мясомъ, вареными хлякамы, гороханыками и усякымы ласошамы, чого шилки душа забажа на снїданья. А шанокъ вела Явдоха Колупайчыха; молодыця гарна, не взявъ ии чоршъ:

чорнява, мордаша, шрошки кырпашенька, шакъ за ше румьяна якъ рожа; и шакы одягна: очипокъ хочъ зовсимъ вышершый, а бувъ колысь парчевый; кожухъ билыхъ смушкивъ пидъ тяжыною и бабакомъ обложенный, шилки що диркы на нѣму скризъ и по пидъ рукамы, и на бокахъ, ша й видно було що и уся одежа на ній була не просша, а мищанська, бо вона узяша була у Лыпци, ажъ изъ самисинького Харькова и не просшого, а мищанського роду; шушунъ набойчашый, спидныця каламайкова, шилки що не можно було угадашь якого воно цвишу, бо дуже було запачкано олією; вона бо пекла и бублыки, и сласпѣне, а около сѣго дила не можно чысцо ходышы, заразы вымажесся якъ чоршъ, що до видьмы черезъ трубу лазышь.

Ошъ молодыци и крычашъ Явдоси: „а ну, паньмашко! выбирай мисщце: шы у насъ голова; де шы сядешъ, шо и мы была шебе.“ Ошъ Явдоха и узяла булку, ша не зъ своей коробки, сщала прошивъ сходъ сонця, прычи перехресшылась, ша й покошыла ии по сонцю. Кошылась шая булка, кошылась, ша й не зъ опенылась нигде, а прямисинько докошылась до салдацького лапшеша, ша шушь и плюснула. — „Охъ мыни

лыхо,“ закрычали у водынь голосъ молодойци: „якъ шакы быля Москаля сидашъ? Винь намъ шакого лыха наробышь, що не шо що! У одной щышше, у другой хвашше: ша шущъ шаке буде, що и коробокъ не позбираемо. А ну лышень, Явдохо, выбирай друге мисшце; може й не шакъ щаслыве буде, ша все шакы лучше, чымъ дашы Москалю орудовашы надъ нашимъ крамомъ.“

Перевела Явдоха свій цехъ черезъ дорогу; поворожила впьяшь другою чужою булкою и межъ свои положила; а де булка впала, шамъ сама зъ своею коробкою сила, а молодой розсадыла, де кому якъ по чързи прыпало; а чергу шу зробыла сама жъ шакы Явдоха. О! ша й баба жъ козырь була! Цокошуха, ша й цокошуха! — Узялася надъ усимы перекупками опаманувашъ; и видъ десятицкыхъ, видъ головы, ша й видъ самого пысаря обороняшь, шилки щобъ уси перекупкы ии слухалы, и що скаже, щобъ сполнялы, и чого пошребуе, щобъ посшавлялы. Та нехай же бъ и не послухавъ ий хпо? Такъ разъ и нашлешъ: або свыня бублыкы похвапá, або собака олю выще, або пьяный пипкнешся, ша коробку перевёрне, а вже даромъ не прійде.

Тилки що молодыци любенько посидалы и жодна зь своимъ крамомъ розпашовалась, якъ — — — Тю! — Москаля чорпъ и вродывъ зь сповницями была ныхъ. Якъ же напущющця перекукы на него! — „За чымъ шушь спавъ? Пиды соби гешъ, спанъ де инше; не мишай шушь православный шоваръ продавать, а самъ иды хопъ до чоршивъ, кроме хлиба свяшого.“ Опъ якъ зашуркалы, зашуркалы ёго — бо звисно якъ наши молодыци, скилки ихъ ни буде, шо якъ заговорюшь уси разомъ у водынь голосъ, пакъ ничёго и не вшоропаешъ; мовъ на лопокахъ вода шумышь — а Москаль и байдуже; знай соби крычышь: гречишныки гарячи!“ — Що шушь на свиши робышы? — Опъ бачушь молодыци шо не перелывкы, прыспалы до Явдохы: „Робы, шо знаешъ робы, а Москаля збудъ.“

Ничого Явдоси робышы: узяла — и усе пакы не зь своей коробки, бублыкывъ пры вязкы и пишла до папреша, ша й далебы шо правда! кланяешця мовъ живому, ша й просышь: „Ваше Благородіе! будьше ласковы, зведишь зь нашого мистця опшого навиженого, капольцкаго, бусурменського Москаля, шо спавъ была бублейныцъ зь сповницями. Бачыше якый!“ . . .

а сама зыркь назадъ, ажъ Москаль исчезнувъ, злякавшись, якъ побачывъ, що пишла на нѣго жалоба. Тогди Явдоха, перше що зрадовалась що Москаль ушкы, а далибъ то и бублькы спало жалко виддаваш, колы дила не спало, ша й сама не зна що й и робышь, ша шаки и совае бублыки папрешу мовъ живому, ша й прыговорюе: „кеше, озмише Ваше Благородіе! Пожалуйше; дома здасьшця.“ — Салдашь ни пары зъ успъ. Якъ же роздывышця Явдоха, що се маня; що се хопъ и салдашь, ша не живый, а намалёванный — засоромылась, почервонила якъ ракъ, ша швидче не оглядаючысь, видъ нѣго, ша бублыки у свою коробку, и сила! Що вже ни пышала й молодыци, що й шамъ було видъ Москаля? Такъ мовчышь, ша й мовчышь; ша й кае: „Але! пидишь лышенъ самы, ша й спышайше.“ А Кузьма Трохымовычъ дывышысь на сее, сміавсь — сміавсь соби ныщечкомъ, ша й дума: „Опъ шакъ наши знай! Вже до насъ мовъ до живого зъ поклонамы прыходюшь; ныначе до Засидашеля.“

Ну! що то зъ шого далшь буде? Опъ шымъ часомъ позиходылось народу на миспо вже чы мало. Таки куды окомъ ни глянешъ, що усе люде — усе люде; якъ сарана у поли. И чого-

по шуды не понаносылы, або не понавозылы? Таки шакый ярмарокъ, що ныначе у Харькови обь Пречысшій; усякого шовару, якого шилки подумашь, усе и ё. Чы грушъ? Такъ и на возахъ груши, и въ мишкѣхъ груши, и купамы груши по насыпани: прыйды, шоргуй; ша зъ якои хочъ купы и скилко хочъ кушшуй, нищо шоби и не побороньшъ. А шамъ Мѳсква зъ лашьямы, ша зъ лыкамы; булы шамъ мыскы, ложки, шарилкы розмалёвани; булы й рещёша и ночовкы, джи, лопашы, сивци, черевыки, чобопы зъ пидковамы, або шакъ шилки гвиздочкамы пидбыши. Тушь Суздальци зъ богамы, зъ кныжкамы; а по была сласпённости зъ грубкою: шилки спышай на скилки шоби шреба сласпёного, шакъ живо пидниме пелену, ша й зниме спару онучу, що ею горщыкъ зъ писшомъ покрышый, щобъ, знаешъ, не проспывало на холоди; пальци послыне, щобъ писшо не прысывало, ша й ущыпне шисша, ша на сковороду у волю, ша заразы и пряжешъ и подае; а вже олією не скупышця, бо шакъ зъ пальцивъ и пече, шилки знай обсмокшуе. Тушь же была неи була и кабака и шюпюнь; а шамъ залізный шоваръ: пидковы, гвиздочки, сокыры и усе, що шреба. А шущъ лавкы зъ краснымъ шоваромъ для Панивъ: спруко-

вашый перець на ныпкахъ, родзынки, хвыгы, цыбуля, слывы, горихы, мыло, медянычкы, грошови свичечкы, шараня по весни зъ Дону навезенная, и суха и солона; кавьярь... Тупъ яловычына, нижкы, головки и свынына для нашого браша. Дёгошъ и въ шерипвасахъ и въ мазныцяхъ, продавалысь и сами квачи; а по быля споялы бублыки, буханци, грычаньки, у ночовочкахъ носыли печеню шмапками покрояну, на скилки шоби шреба, на спилки и беры. А шамъ купамы капуста, бурякы, морква огородня, а хашиёи гаши жинкы не продаюшъ, а держушъ про нужду, на нашу голову. Тупъ же бувъ хринъ, рипа, гаршопи, що вже швидко хлибъ свящый зъ свипа Божого зженушъ... Та яжъ кажу: нема шого на-свиши, того шамъ не було; и якъ бы грошей до сына, накупывъ бы усёго, ша й ивъ бы цилый годъ.

Булы обидья, булы и колеса, вйя, двйла, люшпи. Булы свышы и прёшого уразивського, и мыльного сукна; булы кожухы, поясы, шапкы, и козацькы и капелюхы. Бувъ и дивчачий поварь: скиндячкы, сергы, баёвыи юпкы, плахпы, шыши рукава и хуспкы. Жиноцькы: очипкы, серпанкы, рушныкы шыши и зъ мережкамы, греб-

ни, дньща, верешена. Була и сль шовчена и
глына жовпа.....

А промежъ шакои пропасшы повару, що
шо народу було! Крый Машы Божя! Ще про-
хи чы не билшь, нижъ на воскресеные у вушпре-
ни, якъ Хрыста дочышуюшца, або й на Иордани,
шакъ що прошовпышысь не можно. Той купуе,
шой шоргуе, шой спорышь, шой шоварышнво
склыка, шой на жинку гука, ши лаюшца, ши
йдушь могорычи запывашъ; сшарци спиваюшь
Лазаря, кобылы ржушь, шой возомъ иде, ша
крычышь: по глыну, по глыну! а на зусшричь
ёму выкрыкае: по горшкы, по горшки! Перекуи-
кы хвашаюшь за поды парубкивъ, ша школя-
ривъ: „ходы сюды, дядюшка!“ Крычашъ: возьмы
у мене Паныченьку. Опъ бублыкы гаряченьки,
прямисинько зъ печи; (а що ще зъ пивночи ихъ
повыньмала, шакъ про ше и мовчышь) ось у ме-
не на самій оліи, а въ мене зъ мачкомъ, ша-ша,
ша-ша, ша й нерозберешъ що воны шамъ и кры-
чашъ. А шушь чумаць продавши сль, що зъ
хурою прыйшовъ зъ Крыму, нанявъ шройсшу
музыку, ша й иде по ярмарци: скрипкы рып-
ляшь, цымбалы брязчашъ, а самъ чумаць иде за
нымы, якъ бувъ у дорози и башижоць закнуувъ

за спыну, рукава у дѣгшанои сорочки позасу-
чувавъ, ша й несе у водній руди поввисинькій
шпохвъ горилки, а у другій руди чарку, ша
кого здря, шакъ и часшуетъ; а якъ наливае, шо
шакъ на доливку и лье, и не жалкуе. Якъ же
поривнявсь прошивъ дигшаривъ, ша вздривъ ше-
ришвасъ зъ дѣгшемъ, шо шакъ у нѣго и вско-
чывъ зъ чоботами, ажъ вышче колина, ша й гук-
нувъ на хазяина: — „Видвичаю! Зважъ описля,
скилки дѣгшо чоботы наберушь. — Гуляй душа
у роскоши!“ — Та ще и спавъ ногами шупо-
пишы и дѣгшемъ позабрызкувавъ чы мало шущъ
народу. А шамъ чутше ведмидь реве и шанцюе,
а Цыганъ выкрыкуе: „а ну, Гаврылку, якъ
спаріи бабы пьяни валяющія!“ Цыганка воро-
жышь, ша прыговорюе: и щасливый, уродли-
вый; положи пьяпачка на рученьку, усю правду
скажу. Цыганчаша халидры шанцюють, ша
крычашъ не своимъ голосомъ, мовъ чорпъ зъ
ныхъ лыка дере. А шамъ Цыганъ шуды жъ зъ
своею шкапою: знай божишца и жинкою и дишь-
ми, ша проклина свою душу, и башька и ма-
ширь, а все за шымъ, щобъ спару, слипу, са-
пашу, и зъ выбышною ногою кобыду продашь за
мисьць молодои. Та якъ обшупляшь нашого
браша Цыганське навожденіе, шакъ не знаешь,

що й робышь. Якъ напускашь мару, шакъ самъ бачышь, що шкапа прѣхъ денежокъ не спѣишь, а ты шилки дывысся, ша лупаешь очыма и не знаешь куды видъ нихъ дышысь. Той божышця, другый шоби суне у руку оброшь съ шкапою, прешій шагне зъ швоеи кышени хуспку, де гроши завязани, а сей вже здачу дае, ша уси гуршомъ волочушь пидъ яшку могорычи запываши. Такъ що — яжъ кажу: помы схаменесся, дывысь: хошивъ свое ледащо продашы, а прокляши Цыганы усунулы шоби у руку шаку папыку, що й скипкамы гыдко узяшы, ша за шаку цину виддалы, щобъ можно було и вола купышь; ша ще за мойжъ гроши и горилку пылы, а дали, за мисць дякы, у вичи насмѣлысь: „шкапа швоя, чоловиче, кажушь, шрохы не добача, шакъ купы ий окуляры, ша и почепы на вичи, якъ Панычи у городи носяшь, шо ще пошыгне. “. . .

Опъ шаке-шо шамъ було, що и розказашы усѣго не можно. И усякій народъ хшо шамъ ни бувъ, що йде былы шого салдацького папреша, усякъ шапку зниме, ша и скае або: добрыдень! або: здрастувуйше, господа служба! — А служба ни чычыркъ: споишь соби гарненько, и пальцемъ

не кывнѣ, и очыма не поведе, и ўсомь не моргне. Такры ныхпо — ныхпо не вгадавъ що по намалёваннѣй. А Кузьма Трохымовычъ сміався — сміався, регошався — регошався, а дали узався за бокры, ша й здыхнувъ и каэ: охъ! а дали ручки поскладавъ, ша й мовчышь сьдючы у своѣй япци, ша й дума: що по далшь буде.

Ажъ ось, де ни взався салдашь, ша вже спражнѣй салдашь и жывисинькѣй, опъ якъ мы зъ вами. Ходышь винъ по базарю, вызыра — вызыра — и вже одынъ рушнычокъ у молодычкы изъ купы и зпагнувъ, и въ кышеню запаковавъ; учысывъ и бумажну хуську у Чугуевкы, шаку що гывень шисъ споншь; выдризавъ зъ воза и винокъ цыбули, и заразы за пивцины и продавъ, ша усе шакры хыпро — мудро зробывъ, що ни жодень хазяинъ и не зчувсь. Дали прыйшовъ, де груши продаюшь; бачышь, що пры возахъ сами хлопцы, ша й ши рошы порозивлялы и дывляюща на ведмедивъ. Винъ шакры и положывъ руку на мишокъ; ныхпо не баче. Пошпагнувъ ёго до себе; ныхпо не баче; положывъ на плече; ныхпо не баче... ша не озыраючысь и чкуруивъ соби куды ёму шреба. Ажъ ось кынулось хазяйство: бачышь що Мо-

скаль безъ спрoся узявъ повниси́нькій мишо́къ грушъ, ша ѣ прешъ ёго мовъ свое; разомъ гукнулы на нёго, ша ѣ побиглы за нимъ на здо́гно. — Не хыпрый же ѣ Москаль! чымъ бы на вши́кача, а винъ иде собы́ любенько, мишо́къ зъ грушами несе, ша ѣ спива: *Малодка, малодка маладая!* — Ажъ шушъ ёго за мишо́къ.... сипъ! — „На-що шы груши узявъ? сякий шакий сыну!“ пыпающыя ёго у воды́нь голосо́. Спои́шь се́рдека, очы вывалы́въ мовъ бара́нь, дали озырну́въ, ша ѣ каэ: „нѣшпа шо ваши груши-сша? — „Аджежъ не чѣи, якъ наши.“ — А винъ якъ крыкне на ныхъ: „Ахъ вы, хахлы безмозглы!“ (А зара́зъ даяшы́сь: щoбъ шо на передъ розпышашы, ша шо́гдибъ вже и дая́въ ски́лки хо́шивъ, ша́къ бачъ же: Моско́вська ви́ра ша́ка!), „а за чымъ вы, каэ, мыни шо́гди не сказали, какъ я съ воза мишо́къ узявъ?“ Та до нихъ зъ пенею: „вы, каэ, зиваете на спаранамъ, а я вошъ нисъ, нисъ, да воша какъ умары́лся, да амуни́цію па́шёръ. Вошъ вышъ мундѣ́ръ запачка́ль; давай сюда́ де́ньги на вычы́ску.“ — Наше хозы́йсво щoбъ шо и сюды и шуды; ша́къ де́жъ! ни прысгупу, ша ще ѣ лае. А дали ухвашы́въ за коми́ръ и шы́гне, и крычы́шь: „давай на вычы́ску, ша за пра́ходку; я казѣ́нный мундѣ́ръ

папёръ и сапагы шапшавъ, давай дай полька.“—
 Наши ни выдхрыслюшця, ни выдмолюшця: цуръ
 шоби, кажущъ, башечку! Здилай мылосць, гос-
 пода служба! озымы соби и груши зъ мишкомъ,
 шилки видченысь и пусшы! — Такъ де! Такъ
 репьяхомъ и узивсь и каэ: „Мынѣ чужово не на-
 да, не хачу вашихъ грушъ, а падай маё.“ — Що
 шушь на-свиши робышы? — Ище шакы поду-
 малы сякъ-шакъ видвернушысь: хошили ийшы
 до Волосного Правленія, шакъ Москаль не шін
 спива: „вонъ, говорышь, мая каманда“, шай пока-
 зует на салдацькій папрешъ: „пайдёмъ и къ нё-
 му.“ Наши бачушь що не перелывкы, спрашно!
 Кынулы ёму пъяпыалшынного; — шакъ ни, каэ,
 веды до япкы, посшавъ за проходку кваршу
 водкы. Ничого робыны: посшавылы, абыбъ од-
 чепывся, ша не вивъ до салдаша що зъ оружомъ
 споишь. Якъ же описля розслухалы, ша розды-
 вылысь, и видгадалы що шо не жывый, а нама-
 лёванный, шакъ ажъ объ полы рукамы вдарылы,
 ша — фишь, фишь! посвыспалы, ша й пицлы до
 возивъ. А Кузьма Трохимовычъ у свойй япци
 шакъ и качаешця зо смиху.

Уже було гешь-гешь, пушъ и дивчаша
 зибрались ийшы на ярмарокъ; бо все пиджыда-

лы, щобъ поридшало народу на миспци, а шо якъ у писноши, шакъ думалы що ихъ не шакъ розглядюшь. Ось и шягнешця вызка ихъ, ша усе на пидборъ: одна видъ другои чорнявиша, одна видъ другои краца. Порозряжувани шакъ що Господы! Середу ддя сонечко прыгрило, шакъ воно й шепленько; опть воны и повыхоцлювалысь безъ свышокъ, а въ самыхъ баёвыхъ червоныхъ юпкахъ, шакъ-шакъ що якъ макъ цвише! Скиндячки на головахъ усе по-Харькивьски полбжени, косы у дрибушки позаплишовани и жовшымы гвозды-камы, любышкомъ, чорнобрывцями и мяшою позаквичувани; у сорочокъ рукава и пидпечкы повышывани, ша повымережувани; на шыяхъ намысна у кожнои разкывъ по десяшь, колы ще не билшь, ажъ шыю гне; золоши дукашы, ша срибни хресшы шакъ и ссяюшь; плахшы каршацкы, запаскы и шовкови и колистасши, поясы каламайкови; ша уси якъ одна у червоныхъ червычкахъ, и въ билыхъ, ша въ сынихъ нантишкахъ. А за диломъ же воны й выйшлы? а якже? Выпришкывъ куповашы, ша щобъ чы не пожаршуюшь парубкы зъ нымы; вже звысна дивчача нашура, хочъ у Пансшви, хочъ у мужицшви.

Опть ходюшь по ярманку, де що соби выгадуюшь и регочущя, якъ одна зыркь!... спо-

ишь салдаць! — „Дивчашка! — каа ныщечкомъ: „див-
 вилесь; у насъ поспой; салдаць!“ — „Брешышь!
 де ты ихъ уздила?“ пышающа ии и розгляда-
 юшь усюды. — „Та онде, онде была дигтярнои
 лавкы спойшь зъ оружомъ калавурный!“ —
 „Такъ и ё!“ — гуквулы уси, ша й почалы, по
 щебешапы, шо сміяшысь, зъ миспця на миспце
 переходюшь, ша одна другу пха, шо буцимъ
 сполыкающа, щобъ салдаць до ныхъ озырнувсь,
 ша зачепывъ бы копру изъ ныхъ; опть шушь бы
 имъ и пишла лахва, шушь бы воны и спалы ёго
 роспышовашы: чы шушь проходомъ, чы поспо-
 емъ? опть шушь бы ёму и сказали, щобъ зъ по-
 варышвомъ прыходылы до ныхъ на вечерныци,
 бо вже воны дуже давно бачылы що пушнѣ, а
 свои парубкы оспылы и обрыдлы.

Опть и вызвалась зъ ныхъ Домаха и каа-
 говорышь: „А прывайше лышень: я пиду побыля
 ёго. Та вже не я буду, щобъ винъ мене не заче-
 пывъ; ось дивилесь лышень; ша глидишь, колы
 преба буде, шо видкыкайшесь до мене.“ — Опть
 и пишла, буцимъ шо и не вона. То сюды, шо
 шуды озырнешця, ша писеньки пидъ вись соби
 мугыче, шо хусшочкою помахуе, шо нахылышця
 пидвъязку пидвъязовашы; опть вже и до салдаца

доходышь, ша ныначе зъ кымъ нѣбудъ и розмов-
ляе: „де-шо шупъ шпалѣры, ша шумыха про-
даешця? колы бѣ мыни хшо показавъ?“ ша й за-
спива соби нышкомъ . . . О! що шо вже за див-
ка! Вона не знала якъ лидъ кого лидвернушысь?
Вона не вмила якъ кому прышвы прышыпы? —
Ге! и проворна, и жаршовлыва була, ша шакы
и свипа выдала: бо ажъ два года у Харькови по-
мойкамъ заробляла, шакъ їи вже не вчышы; усе
знала!

Якъ побачылы подругы, що вона вже блы-
зесынько видъ салдаша, а винъ ище їи не зачи-
па, мабошь не бачышь, ша й гукнулы до ней ра-
зомъ: „А куды шы, Домахо, пишла?“ — А вона
была салдаша споить и хуспочною махае, а сама
шакы голосно крычышь: — „Ось куплю шумыхы
на кшипкы, колы якый чоршъ не перепыне!“ —
А нашъ салдашъ споить! Ни зачипляе, ни пере-
пынае и ни чымъ їи не заньмае. — „Що за не-
добра мапы!“ думае Домаха: „шакы была сами-
синького ёго йшла, а винъ мене и не займа; хы-
ба не сміе, чы що? — Та вжежъ вернусь ще.“ —
Опъ и вернулася, и шакы была самисинькихъ
нигъ ёго йде, и впустила хуспку буцимъ не
знарокомъ, думаючы, що салдашъ гукне на ней

щобъ вернулась и підняла хуспку; опть шупть, вока зъ нымъ и заговоришь, опть и пожаршуюшь, а шамъ и підушь лады... Не зъ чорша жъ хыпра й Домаха!... Такъ щожъ бо? — Лежышь хуспка, а салдаць и волосомъ не двыгне. — Спала наша Домаха, ша й оглядаешця и каа голосно: „Охъ мыни лыхо!... загубыла хуспку... колы бъ хшо піднявъ, ша видавъ, шо я вже знаю, якъ бы ёму подяковала!“ —

Озыраешця сердешна и погляда изъ підлибья. Та ба! Сщопишь салдаць и на хуспку й не двынешця. — Нигде Домаси дышысь; пререба вершапысь! — Опть бы шо и підбига, и выжыда, и каа, и говоришь: „Опть беда! лежышь моя хуспочка била самисинького салдаца; якъ шупть узяпы?... Я боюсь, щобъ винъ мене не вхопывъ, або зъ оружжа не заспрелывъ!“ — Підійшла; — и нахыляешця и ненахыляешця, и беребъ шо й не бере, а усе выжыдае салдаша... шакъ щожъ бо? — Не на такого наскочыла!... Дали нахылылась, и проспяга руку ныначе не ившы, а сама усе двынешця на нёго; а дали якъ прыдывылась... якъ зарегочешця на всю вулицю... а дивчаша и видизвалысь до неи: — „А що винъ шоби шамъ говоришь? Домахо — Домахо;

Ну бо кажи, що говоришь? "... „Але! говоришь!“ — крычышь Домаха, ша скилки зря вид-пишь, ша за смихомъ и слова не вымовышь.

„Що... що шаке... що винъ шоби казавъ?“ — обштупывши дивчаша Домаху, у водынь голосъ выпышуюшь. — „Эге! що казавъ? — каз Домаха: ша по не живой, шо ёго парсуна.“ — „Ё!“ гукнулы дивчаша и пидбиглы розглядашы.... ажъ справды намалёваный. Регошались — регошались, выгадовалы де що, ша й пицлы гешь по ярмарку. А сее чувшы и багашо де хшо пидходылы вже небоячысь; розглядашы, роздвляшцы, ша й скажущь: „шакъ и ё, що намалёванный!“ — ша й пидушь соби.

Сміявсь-сміявсь Кузьма Трохимовычъ, а дали й подумавъ, що вже пора знимашы свого салдаша, ша на визъ укладашы и чурхашы до дому, ажъ ось почувъ крыкъ, галась, шулошню, регишть, писни, сопилку... ша й прысивъ у яшци.

То насступало парубоцство: шевчыкы, кравчыкы, ковали, свынчыкы, ганчари и зо усякого ремеслва бурлацство, наймышы видъ хозяйства, башьковы сыны — зибралыся усьи на ярмарци погуляшь. Хшо попродавъ свій шоварь, а хшо

покупывши чого ёму було треба ище зранку, и попывши могорычи, шеперь попидголювавшысь любенько, понадивалы: хпо нову свышу, хпо кышаёву юпку, хпо ще башькивськый, хоть и старенькый, па жупанъ, попидперизовавшысь шпёшненько хпо каламайковымъ, а хпо й суконными поясами, понадивалы на пидголени головы шапки козацьки, зъ решетиливськыхъ смушкивъ зъ червоными сукняными верхама, у шыжыновыхъ шпаняхъ, у чободахъ зъ пидборама юхшовыхъ, а хпо й шакъ у шкаповыхъ, па шакъ повымазуваныхъ, що дёгошь шакъ зъ ныхъ и шече, а пидковы проха не на пядь. — Опъ позакручувавшы усь, идушь лавою, шилки зъ боку на бикъ перевалуюшця, рукамы розмахуюшь, люльки шыгнущь, и що ё голосу, ажъ жмуришця, па спивають Московской писни: *При даньмусьци стояла*: и де йдушь, шо шакъ видъ ныхъ люде и розспукающця, бо вже не попадайся имъ на дорози ничто: чы перекупки зъ коробкамы, чы Москаль зъ квасомъ, чы слинци зъ поводапаремъ, чы баба спара, чы дивка молада имъ на зуспричь, никому нема розбору, неважають никого, шакъ усякого прямо лавою и прущь, и валяють; — а самы й байдуже: ни-

наче й не бачушь ничего и буцимъ — шо й не воны.

Ошце шо воны зазрившы дивчашъ, пошягнулы зя нымы, щобъ шакъ спиною на ныхъ и напершы, а якъ воны розбижашця, шакъ шущъ и ловышы, и пожаршовашъ зъ нымы, и поженыхашысь ... Звисно молодецьке, парубоцьке дило! — А щобъ ихъ хшо могъ зопынышы? — Ну, ну! — Ни, кусала шака. Воны усею громадою не разъ и самому пысарю давали шакои пынхвы, що насылу прочхавсь; а десятички, шакъ-шакъ видъ ныхъ и ховающця по пидъ плошамы. Такъ шущъ вже ничего! — Нехай — каэ — Хлопци нагуляющця; билшь копы лыха не паробляшть.

Одже шо якъ накнулы окомъ на дивчашъ, и йдушь воны по быля малёваного саддаша, а ихъ вапажокъ, Терешко швецъ, знявъ передъ нымъ шапку, ша й каэ: *Здрастуйте, господа служба!* ... Тушь якъ зарегочешця народъ и перекупкы, и купци, и ши що пры возахъ, ша якъ крыкнушь на нёго: — „Тюшо, дурный! — ша шо намалёванный. Хыба шоби повылазыло? Ош-шо оглашенный! Не розбере!“ ...

Нашикъ же панъ Терешко ракивъ, якъ и самъ розгладивъ, що справды саддашъ намалёван-

ный и що увесъ базаръ зъ него глузуе!... — „Теперь, дума сердека, не буде мыни прѣсвиш-ку: будушь мыни сміяшысь и будушь незнашь що черезъ сее прикладовашы. — Ё не ё! що шупъ мыни на свиши робышы?“ — Сстоишь, зажу-рывсь, ша й дума. А дали зхаменувся, ша й заре-гошавсь. — „Буцимъ що — каэ-говоришь: — я и не бачывъ, що се не живой, ащо се шилки па-шрешъ! — А поклонывсь ёму зашымъ, щобъ по-драшовашъ зъ маляра: чы шакъ же шо й малю-юшь? О бодай ёго мара малёвала! — Се и сли-пый розглядышь, що се пашрешъ, а не живой чоловикъ. Хыба шупъ булы шаки дурни, що прыймалы ёго за живого? Не знаю — Тфу! ша чор-зна що й надряпано. Дивишесь, люде добри! хыба шакъ шьещця чобишь? — Я швецъ на все село, шакъ я вже знаю, що халява ось якъ бува (ша й спавъ пальцемъ по пашрешу надряпова-шы); опъ и въ пидборахъ брехня; ша й пидёмъ не шакъ.... ша шакы и усе не шакъ. Цуръ ёму; пайдёмъ; хлопци, далшь. — Намалёвавъ же якыйсь-шо дурень!“ — Опъ и пицлы соби своею дорогою.

Та й закрушывъ же носомъ нашъ Кузьма Трохимовичъ, нынче шершого хрину поню-

хавъ! — Зъ биса жъ бо ёму досадно спало, що у весь базарь, и що по на миспи народу було, шаки, мабоше, душъ зъ пѣяшдесять, колы ще не билшь, ша уси жъ по до единого, уси не пизналы що салдашь намалёванный, а думалы що жывый, а шущъ чорпъ ёго зна видкыля узавсь швецъ, ша й закепковавъ ёго робопу ни на що. „Се вже — казъ соби: — курамъ буде на смихъ. Я шаки, правди, объ чобобахъ не дуже й доглядавсь; може воно що не будъ и не такъ. Я шилки и спаравсь щобъ ёму шварь, и сѣмъ винъ увесь, и мундѣрь, и оружжо, щобъ такъ було нынѣ живе; а объ чобобахъ и байдуже; бо недумаваъ, щобъ хшо вже шуды спавъ доглядапсь, де й нужды мало и куды не усякъ и дывыпця. — Нехай же такъ буде, якъ швецъ казъ; перемалюю, щобъ и ёго уконшеншовапы, и щобъ ни якого хвалшу не було у моѣ робопи.“

Нѣчого ёму робыпъ: вылизъ изъ своеѣ япкы, доспавъ палипру зъ краскамы и пензиль, пидмалёвавъ якъ шамъ швецъ надряпавъ, ша й опьяпъ полизъ и казъ: „Нехай; пидожду покы краска пидсохне, а шамъ и вбирашемуса до дому. Теперъ швецъ не скаже, що не такъ чобыпъ намалёванный.“ —

Ажъ, гулькѣ! — Терешко зъ парубками, не догнавши дивчашъ, вернулись на переймы, и йдущъ опьянь по била салдацького папреша. Ось одиць парубокъ и розглядивъ ёго, та й каэ: — „Дывись, Терешку! послухавъ шебе маляръ, шакы перемалювавъ чобишь, якъ шы сказавъ.“ — „Эге! — ищебъ шо не послухавъ — каэ Терешко, пидсунувши шапку на саме шимья и узавшысь у боки: — *Я вже сылу знаю и заразь побачу, що не до шыгы.*“ — А якъ же ёму и досе досадно було и на маляра, и на папрешъ, що черезъ ныхъ довго ёму будущъ сміяшысь, опть и думавъ щё шакы за нехаяшь ёго, щобъ маляра зо всимъ збышы зъ паншалаку; по свыспавши й каэ: „Опть и сёго не зшерплю, скажу, бо вже бачу що не шакъ. Чобошы якъ чобошы; шакъ мундѣрь на нёму не шуды дывышця: преба щобъ рукава ось шакъ“ ... — *А зась не знаешъ? — обизвавсь Кузьма Трохымовычъ изъ своей япки: — „Швецъ! знай свое шевство, а у кравецтво не мишайсь!“*

Якъ же зарегочешця увесь базаръ слушаючи сюю кумедню и що якъ Кузьма Трохымовычъ выдризавъ Терешку шевцю! Якъ пиднялы ёго на смихъ! Регошались зъ нёго, регошались, ша

шакъ же шо, далеби, що не шо що, що ажъ за
ричкою чуже було. А Терешко нашъ якъ попяг-
не не оглядуючысь, ша ажъ забигъ не знашь ку-
ды. Кузьма жъ Трохимовычъ пыхенько соби по-
сміявшысь, ша зибравшысь, поихавъ зъ пашпре-
шомъ до свого Пана, ша по уговору, грошыкы
и горилочку зъ нѣго зчысывъ, ша й правъ. Яр-
марокъ розійшовсь; шилки вже Терешкови вир-
валась нышка верховодышы хочъ на вулицы, або
на вечерицяхъ, або и у шинку. Тилки що за
балаишрасышь, а шушь ёму хшо небудь и вриже:

*„Швецъ! знай свое шевство, а у кравец-
ство не мишайсь!“*

— шо шакъ языкъ и прыкусышь — и вже пи-
чычыркъ. —

Ошъ и вся.



УКРАИНСКОЕ УТРО.

(Отрывокъ.)

.... Чы довга ничь у насъ на клечалный не-
дили? — Вечирня зоря ще не погасне, а свипова
вже и заньмаещя; блысне *Визъ* (*), ша вже до-
копывшысь до сходъ сонця.

Опъ и шеперь: шилки що зирочки засялы
у Бога мылосердного на небесахъ, шилки що
розсвишлысь, ша й по не зовсимъ ясно, а ны-
наче скризъ серпанокъ, — соловейко зпыхъ,
виперець заснувъ и гилочки по садкамъ дримаю-
чы ледве-ледве колышущя, шилки й чупе що
черезъ греблю, на лопокахъ водыця цидышця и

(*) *Возъ* — Большая медвѣдица или Колесница.

мовъ хпо ныщечкомъ казку каже, що пакъ и
дримаещя, а що усюды шыхесенько... Ажъ
ось — не довго: — зирочка покошылась... дали
друга... прешя... и поховалысь у сынѣму неби,
мовъ у мори канулы, а прощаючысь зъ землею,
прошкы зпакнулы... опъ видъ ихъ слизонѣкъ
пала роса на землю. Канула крапелька, заше-
леспило у аери и прокынувся вишырець, ша й
поколыхавъ шыхенько гилочки по садкамъ,
ша по лискамъ... опъ и попрокыдались пшычи
самочки, лупнулы очыцями, зацмокалы носыка-
мы... шушь заразъ ихъ самчыкы що была ныхъ
дрималы, попробуркувалысь, и зъ радощивъ — що
наспае вняшь Божій день и воны будуть зъ
своимы самычками лишашы, грашысь, любы-
пысь, и що може яка и яечко знесе — зъ ша-
кыхъ-по радощивъ заспывалы своихъ писенѣкъ,
що рано й вечиръ хваляшь Господа Небесного,
Опця, мылосердного якъ чоловикови, пакъ уся-
кому звирю, пшыци, ша й самій манюсиньцій кома-
шыцци що й окомъ не вздрышь. А не хпо вже вы-
спизувашъ, якъ соловейко! — Защебешавъ, заля-
щавъ, зачыркавъ, засвыспавъ, заприщавъ... що
зшыхне, ниби пошепче свойй самочки якъ ин лю-
бышь, а якъ и вона ёму шежъ скаже и похваля
ёго писенькы, що зъ радощивъ гукне на увесь са-

докъ... а якъ носы́ткамы поцилююща... шупть
винь вже и незпьямышца! Зажмурышца, защебече,
защерчышь, що ажъ нынче охрыпне, ша знову
ще дужче лясне, що задрыбоче, що ажъ духъ ёму
запираешца... ша всежъ шо шакъ гарно, шакъ
гарно, що розказашы не можно, а на души весело!

Опть и на бережахъ лыспя зашупошили про-
межъ себе, що й воны по ласци Божій будуть
красовашысь на ясному сонечку. Зхаменулась
правонька, якъ зкропыла їи небесная рисочка;
пиднялысь спебелынкы, розлукалысь квишчкы
и порозивавшы ршчкы свои, падыхалы на усю
долыну шакымъ пахомъ, що почувшы ёго, за-
будешъ про усе и шилки здыхнувши, подума-
ешъ: — Боже мылосердный! Опець нашъ небес-
ный! И се усе, що шилки ё на земли, у води,
пидъ небесамы, се усе Ты, шилки по единому
мылосердыю Своему для чоловика сотворыль
есы? А винь, сее мызернее созданые, ся былына,
ся пыль и порошына, чы винь же Тоби благо-
дарышь? и якъ?... О Боже праведный! Буды и
усегда мылоспывь намъ гришнымъ! — Билшь
сёго невміемо що и сказаць....

Опть и риденый шуманецъ павъ на ричечь-
ку, мовъ парубокъ прыголубывсь до дивчынонь-

кы, — и укупн зъ нею побиглы ховапысь межъ крупнымы берегама. Дали и хмарочки спалы розходыпысь, поридчалы и спалы звершашысь купкамы мовъ клубочки; розсипуашысь щобъ дапы дорогу для якогось пышного, важного госця, ниби царя якого, діючого добро усёму мыру — и покопылысь гешь-гешь за крупны горы, щобъ шилки видпыля дывыпыся на те, що шупъ буде!... Ось и зачервонило на шій дорози, де ёму преба йшы и розислалось мовъ сукно, якъ кармазынь красне; дали, нынче срибня квишкы по нёму хшо посыпавъ; а шупъ и увесь пущь спавъ, мовъ золошымъ пискомъ по червоному полю посыпаний.... Зазолопылысь и верхивья деревъ по лисамъ.... и ось золошый по ныхъ писокъ сыплещя по дереву ныжче, усе ныжче, ныжче... Усе зшыхло... чогось жде!... Спало вынырять изъ-за земли... що? — И свишъ, и огонь, и краса... и вже и на краёкъ его не можно зырниуны окомъ, щожъ буде якъ усе явишця мыру?... И золоши промыны видъ нёго обсыпалы усю землю, и самыи небеса спалы ниби ище краще. — Усе мовчышъ, жада, щобъ швыдче явилася у повни краса мыру!... Идешъ — выкопылося зо всимъ — озырнуло усю землю и нынче повеливало: „Хвалише Господа, що создавъ и мене, и вась; и

кожний день посыла мене давань усёму миру
свищъ, и усякому дыханію жызь. "... Тупъ
зно́ва пшашечкы нынче по чьему наученью за-
щебешалы, усе мовъ знова ожыло, чоловикъ зновъ
прынявсь за дило свое... и що то: увесь миръ
израдовався!

Грицько Основьяненко.

